

- [Доде Альфонс](#)
 -

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Доде Альфонс Папский мул

Альфонс Доде
Папский мул

Вот вам самая красочная и самая забавная из всех известных мне очаровательных поговорок, пословиц и прибауток, которыми наши крестьяне в Провансе уснащают свою речь. Кого ни возьми на пятнадцать миль вокруг моей мельницы, стоит только заговорить о человеке злопамятном и мстительном, всякий обязательно скажет: "Ух, это такой человек! Не доверяйте ему!.. Он, как папский мул, семь лет ждать будет, а потом все-таки угостит копытом! За ним не пропадет!"

Я очень долго допытывался, откуда могла взяться такая поговорка, что это за папский мул и почему он ждал семь лет, чтобы угостить копытом. Никто здесь не мог удовлетворить мое любопытство, даже флейтист Франсе Мамаи, а он знает все провансальские легенды назубок. Франсе, как и я, полагал, что взята она из какой-то старинной авиньонской летописи, но слышать о ней ему не доводилось, разве что в этой поговорке.

-- Доискаться, в чем здесь дело, вы можете только у кузнечиков, в их библиотеке, -- сказал мне, смеясь, старый флейтист.

Мысль мне понравилась. А кузнечики открыли свою библиотеку тут же, у самого моего порога. Вот я и засел там на неделю.

Библиотека эта замечательная, прекрасно подобранная, доступная поэтам днем и ночью, служат в ней крохотные библиотекари с цимбалами, и звенят они без умолку. Я провел там несколько очаровательных дней, лежа на спине, и в конце концов, после недельных поисков, нашел то, что мне было нужно, - историю моего мула и тех знаменитых семи лет, которые он ждал, чтобы лягнуть. Сказка очаровательная, хотя немного наивная. Я постараюсь передать ее в точности, как прочитал вчера утром в рукописи небесной синевы, благоухающей сухой лавандой, с нитями осенней паутины вместо закладок.

Кто не видал Авиньона во времена пап[1], -- тот ничего не видал. Не было другого города, равного ему по веселью, жизнерадостности, ликованию, великолепию празднеств. С утра до вечера крестные ходы, паломники; улицы усеяны цветами, убраны ткаными коврами. На Роне кардинальские лодки с распущенными знаменами, пестрые галеры, на

площадях латинские песнопения, распеваемые папскими солдатами, трещотки нищенствующих монахов. А все дома, что столпились вокруг большого папского дворца, жужжали сверху донизу, словно пчелы вокруг улья. Мерно стучали станки кружевниц, сновали челноки, ткущие парчу для риз, тукали молоточки, чеканившие церковную утварь, звучали деки, прилаживаемые мастерами к инструментам, пели ткачихи. И над всем стоял гул колоколов, а в той стороне, где мост, не умолкали тамбурины. Ведь у нас народ выражает свою радость пляской, обязательно пляской, а в то время улицы были слишком узки для фарандолы, вот флейты и тамбурины и выстраивались вдоль Авиньонского моста, на свежем ронском воздухе, и день и ночь там плясали, да как плясали!.. Ах, счастливая пора! Счастливый город! Алебарды бездействовали, в государственные тюрьмы ставили охлаждаться вино. Ни голода, ни войны... Вот как авиньонские папы умело правили народом! Вот почему народ так о них горевал!..

Особенно об одном славном старичке по имени Бонифаций[2]... Ох, сколько слез было пролито в Авиньоне, когда он умер! Это был такой приветливый, такой учтивый владыка! Он так ласково всем улыбался, сидя на своем муле! И всех, кто проходил мимо, -- все равно, будь то последний красильщик или сам городской судья, -- он так любезно благословлял! Настоящий папа из Ивето[3], но из Ивето провансальского: хитреца в улыбке, пучок майорана на шапочке, и никакой Жаннетон[4]!.. Единственной "Жаннетон" этого доброго пастыря был его виноградник, небольшой виноградник, который он сам насадил в трех милях от Авиньона среди шатонефских мирт.

Каждое воскресенье после вечерни достойный пастырь отправлялся поухаживать за ним, и там наверху, на солнышке, около своего мула, среди кардиналов, возлежавших между лоз, он откупоривал бутылку местного вина, доброго вина, красного, как рубин, которое с тех пор прозвали папским шатонефом, и пил его, смакуя каждый глоточек и с умилением глядя на виноградник. Затем, когда в бутылке уже ничего не оставалось, а день клонился к вечеру, он весело возвращался в город в сопровождении всего своего капитула[5]. И когда он проезжал по Авиньонскому мосту под звуки фарандолы, его мул, увлеченный музыкой, начинал приплясывать, как иноходец, а сам папа, к великому негодованию кардиналов, помахивал в такт танцу своей шапочкой. Зато весь народ говорил: "Ах, какой добрый у нас государь! Ах, какой славный у нас папа!"

После шатонефского виноградника папа больше всего на свете любил своего мула. Добряк просто души в нем не чаял. Каждый день перед отходом ко сну он проверял, крепко ли заперта конюшня, вдоволь ли корма

в яслях, и никогда не вставал он из-за стола, не проследив сам за приготовлением по французскому рецепту вина с изрядным количеством сахара и пряностей, большую чашу которого он, несмотря на недовольство кардиналов, собственноручно относил мулу...

Надо сказать, что мул того стоил. Это был прекрасный черный мул с рыжими подпалинами, крепкий на ноги, гладкий до лоска, с полным и широким крупом, с гордой и сухой головой, украшенной помпонами, бантами, серебряными бубенцами, кисточками; притом кроток он был, как ангел, глядел бесхитростно и непрестанно шевелил длинными ушами, что придавало ему добродушный вид. У всего города он был в почете, и когда он проходил по улицам, авиньонцы не знали, чем его уважить, ибо всякий понимал, что это лучший способ попасть в милость и что, несмотря на свой простодушный вид, папский мул благодетельствовал немало людей -- пример тому Тисте Веден и его чудесное приключение.

Этот самый Тисте Веден был, в сущности, дерзкий мальчишка, которого собственный отец, Ги Веден, золотых дел мастер, принужден был выгнать вон, так как он бездельничал и развращал учеников. Полгода он околачивался по всему Авиньону, но главным образом поблизости от папского дворца: этот плут давно уже имел виды на папского мула, и вы сейчас убедитесь, что придумал он очень хитрую штуку...

Однажды его святейшество прогуливался один со своим мулом по крепостному валу; тут-то с ним и заговорил наш Тисте и сказал, сложив в восторге руки:

-- Господи боже мой! Святейший отец! Что за прелесть ваш мул!.. Позвольте мне на него полюбоваться... Ах, ваше святейшество, какой красивый мул!.. У самого германского императора и то не найдется такого.

И он гладил мула и говорил с ним ласково, как с барышней:

-- Подите сюда, драгоценный мой, сокровище мое, жемчужина моя...

Добрый папа растрогался и подумал: "Какой милый мальчик!.. Как он ласков с моим мулом!"

А знаете, что случилось на следующий день? Тисте Веден сменил свою старую желтую куртку на красивый кружевной стихарь[6], фиолетовую шелковую пелерину, туфли с пряжками и поступил в школу папских церковных певчих, куда до того принимались только дворянские сыновья да кардинальские племянники... Вот к чему приводит лесть!.. Но Тисте этим не удовлетворился.

Поступив на службу к папе, бездельник повел ту игру, что так ловко ему удалась с самого начала. Дерзкий со всеми, он был внимателен и предупредителен только с мулом и постоянно попадался всем на глаза во

дворе замка то с горстью овса, то с охапкой клевера. Он добродушно потряхивал розовыми цветочками и поглядывал на балкон святого отца, словно говоря: "А кому я это припас?.." Кончилось тем, что добрый папа, чувствуя, что стареет, поручил ему смотреть за конюшней и приносить мулу положенную ему чашу вина, приготовленного по-французски. Все это не радовало кардиналов.

И мула это тоже не радовало... Теперь в установленный для вина час к нему в конюшню всегда являлось пять-шесть мальчиков-причетников[7], они быстро зарывались в солому, как были, в пелеринах и кружевных стихарях, потом по конюшние разливался вкусный, теплый аромат жженого сахара и пряностей, и появлялся Тисте Веден, неся чашу с вином по-французски. Тут-то для бедного животного и начинались муки.

У мальчиков хватало жестокости приносить сюда, к самой кормушке, и подставлять ему под нос его любимое душистое вино, согревавшее и окрылявшее его, а затем, когда он вдоволь нанюхается, -- прощай, только тебя и видели! Чудесный напиток, розовый и искрометный, целиком шел в глотки этих сорванцов... Это бы еще полбеды, если бы они только воровали его вино, но, подвыпив, причетники делались сущими чертенятами!.. Один дергал мула за уши, другой за хвост. Кике садился на него верхом, Белюге примерял ему свою шапочку, и никому из этих озорников и в голову не приходило, что стоит доброму мулу лягнуть или поддать крупом, и все они полетят за облака, а то и подальше... Но этого не случилось! Ведь все-таки это был папский мул -- мул, сидя на котором папа раздавал благословения и индульгенции... Что бы дети ни делали, он не сердился; у него был зуб только на Тисте Ведена... Стоило мулу почуять, что Тисте Веден стоит сзади, у него так и чесалось копыто, и, по правде говоря, было от чего. Озорник Тисте сыграл над ним не одну плохую штуку! После выпивки он был падок на жестокие выдумки...

Ведь взбрело же как-то ему на ум потащить с собой мула на колокольню певческой школы, наверх, на самый верх, на самую верхушку дворца!.. Я вам не сказки рассказываю, двести тысяч провансальцев это видели. Представляете себе ужас этого несчастного мула, когда, целый час прокрутясь впотьмах по винтовой лестнице и взобравшись бог знает на сколько ступенек, он вдруг очутился на площадке, залитой ослепительным светом, а внизу, на тысячу футов под собой, увидел какой-то фантастический Авиньон: на рынке лавки величиной с орех, перед казармой папские солдаты, словно красные муравьи, а дальше на серебряной нити

микроскопический мостик, где шла пляска, пляска вовсю... Ах, бедный

мул!..

Какого страха он натерпелся! Он так заревел с перепугу, что все стекла во дворце задрожали.

-- Что случилось? Кто его обижает? -- воскликнул добрый папа, устремляясь на балкон.

Тисте Веден был уже во дворе; он притворился, что плачет и рвет на себе волосы.

-- Ах, святой отец! Что случилось? Случилось то, что ваш мул... Господи боже мой! Что с нами будет? Случилось то, что ваш мул взобрался на колокольню...

-- Сам???

-- Да, святой отец, сам... Вот, взгляните наверх... Видите, торчат кончики ушей?.. Будто две ласточки...

-- Боже милостивый!.. -- воскликнул бедный папа, поднимая глаза. -- Да он, верно, с ума сошел!.. Да он убьется!.. Слезай скорей, несчастный!..

Легко сказать! Он бы и сам рад слезть... Да как? По лестнице -- нечего было и думать: влезть -- это еще туда-сюда, но слезть -- да этак все ноги переломаешь!..

Бедный мул был в отчаянии; он тыкался во все концы площадки, перед глазами у него все ходуном ходило. И он думал о Тисте Ведене: "Ах, разбойник! Дай мне отсюда выбраться... я тебя завтра утром так угощу копытом!.."

Мысль о том, как он угостит копытом, придала ему немного духу, не то ему, пожалуй, не устоять бы на ногах. В конце концов его стащили сверху, но это было не так-то просто. Пришлось спускать его на веревках, с лебедками, с носилками.

Можете себе представить, какой позор для папского мула -- висеть на такой высоте, дрыгая ногами в пустом пространстве, словно майский жук на нитке! И на глазах у всего Авиньона!

Несчастный мул всю ночь не сомкнул глаз. Ему мерещилось, будто он все еще кружится по этой проклятой площадке, а внизу потешается весь город. Потом он вспоминал негодника Тисте Ведена и думал о том, как утром угостит его копытом.

Ах, друзья мои, как угостит!.. Пыль столбом пойдет, так что в Памперигусте видно будет... А знаете, что делал Тисте Веден, пока в конюшне готовился ему знатный прием? Он с песнями спускался по Роне на папской галере, отправляясь к Неаполитанскому двору вместе с компанией сыновей благородных родителей, которых город ежегодно отсылал к королеве Иоанне[8] для обучения дипломатическому искусству и

учтивому обхождению. Тисте не был сыном благородных родителей, но папа обязательно хотел вознаградить его за заботы о его любимом муле и особенно за усердие, проявленное при его спасении. Каково же было разочарование мула наутро!

"Ах, разбойник! Верно пронюхал... -- думал он, яростно потрясая бубенцами. -- Ну все равно, берегись, негодник! Твое от тебя не уйдет, лягну, когда вернешься... За мной не пропадет!"

И за ним не пропало.

После отъезда Тисте папский мул снова зажил спокойно. Ни тебе Кике, ни тебе Белюге. Вернулись светлые денечки с вином по-французски и вместе с ними хорошее настроение, покойный отдых и приплясывание в лад танцу, когда он проходил по Авиньонскому мосту. И все же после того приключения в городе стали относиться к нему холоднее. При виде его шептались; старые люди покачивали головой, ребятишки хихикали, посматривая на колокольню. Даже сам добрый папа уже не так доверял своему другу, и, когда по воскресеньям он возвращался со своего виноградника и подремывал в седле, в глубине души у него шевелились сомнения:

"А что, как я проснусь наверху, на колокольне?.." Мул видел это и молча страдал.

Только когда при нем упоминали о Тисте Ведене, он поводил длинными ушами и, усмехаясь, точил подковы на копытах о камни мостовой.

Так прошло семь лет. По истечении семи лет Тисте Веден вернулся из Неаполя. Срок его обучения еще не истек, но он прослышал, что в Авиньоне внезапно скончался первый папский горчицедатель, и так как должность эта казалась ему завидной, он поспешил стать в число кандидатов.

Когда каверзник Веден вошел в дворцовую залу, святой отец с трудом узнал его, так он вырос и возмужал. Впрочем, надо сказать, что добрый папа состарился и без очков плохо видел.

Тисте не растерялся:

-- Как, святейший отец! Вы меня не узнаете?.. Да это я, Тисте Веден!..

-- Веден?

-- Ну да, помните? Тот самый, что носил французское вино вашему мулу.

-- А, так, так!.. Припоминаю... Хороший был мальчуган Тисте Веден. А теперь что тебе от нас надобно?

-- О, пустяки, святейший отец! Я собирался просить у вас... Кстати,

ваш мул все еще в добром здоровье?.. Очень рад!.. Я собирался просить вас назначить меня на место покойного первого горчицедателя.

-- Первого горчицедателя?.. Да ты слишком молод! Сколько тебе лет?

-- Двадцать лет и два месяца, ваше святейшество, я ровно на пять лет старше вашего мула... Ах, боже мой, что за мул!.. Если бы вы знали, до чего я его любил!.. Как я скучал по нем в Италии!.. Разрешите мне повидаться с ним!

-- Повидаешься, повидаешься, -- сказал добрый папа, умилившись. -- Раз ты так любишь моего верного мула, я не хочу вас разлучать. С сегодняшнего же дня ты будешь приставлен к моей особе в качестве первого горчицедателя... Кардиналы завопят, ну и пускай! Я привык... Приходи завтра, когда народ пойдет от вечерни, мы вручим тебе знаки твоего достоинства в присутствии всего капитула, а затем... я отведу тебя к мулу, и ты отправишься вместе с нами на виноградник... Хе-хе-хе! Ну, ступай!..

Нечего и говорить, как Тисте Веден был доволен, выходя из большого зала, с каким нетерпением ждал он предстоящей церемонии. Однако кто-то во дворце был еще более доволен и с еще большим нетерпением дожидался завтрашнего дня: это был мул. С момента возвращения Ведена и до вечерни следующего дня грозный мул все время подкреплялся овсом и бил задними ногами в стену. Он тоже готовился к церемонии...

И вот на следующий день, как отошла вечерня, Тисте Веден явился во двор папского дворца. Все высшее духовенство было в сборе: кардиналы в красных мантиях, адвокат дьявола[9] в черном бархате, настоятели монастырей в маленьких митрах, члены приходского совета от св. Агрико, фиолетовые певчие из папской капеллы, а также низшее духовенство, папские солдаты в парадной форме, все три братства кающихся, отшельники с горы Ванту, угрюмые с виду, и мальчик-служка, который обычно идет позади с колокольчиком, монахи-флагелланты[10], обнаженные до пояса, румяные ризничие в мантиях, как у судей, -- все, все, даже церковные служители -- и те, что подают святую воду, и те, что зажигают, и те, что гасят свечи, -- все до единого... Да, это было торжественное посвящение в сан. Колокола, ракеты, солнце, музыка и неугомонные тамбурины -- там, на Авиньонском мосту...

Когда Веден появился среди собравшихся, его осанка и приятный облик вызвали шепот восхищения. Это был настоящий провансальский красавец, хотя и блондин, с длинными локонами и с пушистой бородкой, словно из тонких металлических стружек,

упавших из-под резца его отца, золотых дел мастера. Шла молва, что

не раз этой белокурой бородкой играли пальцы королевы Иоанны. И действительно, у господина

де Ведена вид был победоносный, а взор рассеянный, как это и полагается баловню королевы. В честь своей родины он в этот день сменил неаполитанский наряд на куртку, отороченную розовым, по провансальской моде, а на его шапочке трепетало большое перо камаргского ибиса.

Войдя, первый горчицедатель учтиво поклонился и направился к высокому крыльцу, где папа ждал его, чтобы вручить ему знаки, подобающие его сану: ложку из желтого самшита и шафрановую одежду. Мул стоял внизу, у лестницы, в нарядной

сбруе, готовый тронуться в путь на виноградник... Проходя мимо, Тисте Веден приветливо улыбнулся, остановился и похлопал его по спине, одним глазком поглядывая на папу. Момент был удачный... Мул собрался с силами:

-- Получай, разбойник! Семь лет прошло, но за мной не пропадет!

И он лягнул его копытом с такой силой, что в самом Памперигусте виден был вихрь золотистой пыли, в котором металось перо ибиса, -- все, что осталось от несчастного Тисте Ведена!..

Обычно мулы не лягают с такой сокрушительной силой, но это был папский мул. А потом -- вспомните! -- он ведь дожидался семь лет!.. Не придумаешь лучшего примера клерикального злопамятства.

[1] Авиньон во времена пап -- то есть в XIV веке, когда король Франции Филипп Красивый посадил на папский престол своего ставленника, французского архиепископа, и повелел ему находиться не в Риме, а в Авиньоне. Так называемое "авиньонское пленение пап" продолжалось с 1309 по 1377 год, после чего католической церкви удалось снова перенести столицу в Ватикан (Рим).

[2] Бонифаций -- с таким именем авиньонских пап не было.

[3] Папа из Ивето -- намек на сатирическую песню Беранже "Король Ивето". Ивето -- нарицательное имя для обозначения добродушного правителя.

[4] Жаннетон -- возлюбленная короля Ивето.

[5] Капитул -- в католических монашеских орденах коллегия руководящих лиц.

[6] Стихарь -- длинное платье с широкими рукавами. Церковное облачение дьяконов и дьячков, нижнее облачение священников и архиереев.

[7] Причетники -- церковнослужители, дьячки либо пономари, звонари.

[8] Королева Иоанна (1326--1360, правила с 1343 г.) -- королева Сицилии и Неаполя; продала папам город Авиньон.

[9] Адвокат дьявола -- лицо, которое при решении вопроса о причислении кого-нибудь к лику святых, призвано было вскрывать причины, препятствующие канонизации, и доказывать незначительность заслуг претендента перед Богом.

[10] Монахи-флагелланты -- секта флагеллантов (бичующихся) возникла в XIII веке; подверженные религиозной истерии, они сбрасывали одежду и бичевали себя, пока плеть не падала из рук. В средние века самобичевание рассматривалось как знак покаяния, дающего искупление грехов. В 1349 году папа осудил флагеллантов как еретиков.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)